

Максим Горький

Свадьба

Annotation

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 76, 7 апреля.

В собрания сочинений рассказ не включался.

Печатается по тексту «Самарской газеты».

-
-
- [Свадьба](#)
-
-

Свадьба

Очерк

...Поиграв во все известные им игры, они наконец решили обвенчаться. Эта идея пришла в голову Пете. Он разрушил четырёхэтажную башню, возведённую сестрёнкой из игральных карт, и, оставив девочку несколько раздражённой его поступком, со скучным видом отошёл к окну, влез на стул и, прислонясь лбом к стеклу, стал молча смотреть на улицу.

Шёл дождь, небо было хмуро, и был слышен скучный, однотонный звук хлюпающей воды.

По лужам, среди улицы, ехала телега, на ней сидел мужик, закрывшись рогожей, и стук колёс по камням мостовой казался Пете мокрым. А окна противоположного дома смотрели так, как будто дом был старый и слепой. Соня, сидя на полу, медленно собирала карты и, надув губки, посматривала в спину брата глазами, в которых ясно светилось желание побраниться с ним.

– Знаешь что? – обратился он к ней, не слезая со стула. – Давай венчаться!..

– Я с тобой играть больше не хочу... – решительно ответила Соня.

Тогда Петя спрыгнул со стула, подошёл к ней и, сунув одну руку в карман панталон, другую положил ей на голову, а потом начал увещевать её тоном человека, сознающего своё превосходство, тогда как она с руками, полными карт, мотала из стороны в сторону головкой, желая сбросить с неё руку брата.

– Какие вы глупые, все девочки... Ну разве можно сердиться за карточный домик? Он всё равно упал бы... А вот лучше давай венчаться...

– Не буду, не хочу...

– Сонечка! Ну, пожалуйста, давай... Это очень хорошо. Мы наденем на головы абажуры с ламп... потом я надену красную шаль... потому поп – это буду тоже я. Поп и жених – оба я. А ты невеста, ты возьмёшь белый абажур из гостиной и вязаную скатерть с круглого стола из маминой комнаты... Мы составим стулья и будем ходить вокруг них и петь... Хорошо? А потом будем устраивать себе квартиру, и всё у нас будет, как у горничной Аннушки... Помнишь, – когда она венчалась, тоже шёл дождик, и папы с мамой не было, а у тётки Мани болела голова...

А няня прищемила Верному хвост дверью, и он бегал по двору и визжал... няня ругалась!

Это воспоминание вызвало улыбку на личико Сони и смягчило её.

– Невеста должна быть в кисее... а где кисея? – солидно заявила она, взглядывая на брата.

Он задумался, осматриваясь кругом.

– Если бы можно было снять с окна занавеску? Не достанешь...

– Порвёшь – и будут ругать нас.

– Да... – согласился Петя и сел на ковёр рядом с сестрой.

Они помолчали. Было скучно... Снизу, из кухни, глухо доносилась какая-то возня, иногда крики...

– Это Аннушка ругается с Фаддеем... – сообщила Соня.

– Они всегда ругаются и дерутся... Папа говорит, что нужно одного из них прогнать.

– А когда Фаддей был просто кучером, а не венчался с Аннушкой, он не бил её, – задумчиво сказала Соня.

– Тогда нельзя было, она могла пожаловаться, – резонно объяснил брат.

– Кому?

– Папе...

– А теперь?

– А теперь уж всё равно... Они обвенчались.

– Разве когда обвенчаются, то можно драться?

Петя помолчал.

– Фаддей говорит – можно... Он очень сильный. Он боролся с соседним дворником и повалил его... Аннушка тоже сильная... Но женщины не могут драться с мужьями...

– А почему?

– Грех! – сказал Петя, подумав.

Соня встала с пола и, поёжившись, заявила, что ей холодно.

– Это оттого, что скучно, – объяснил Петя. – Если бы мы играли, а не сидели бы, как деревяшки, нам было бы и весело и тепло. Давай играть?!

– Венчаться? – спросила Соня из глубокого кресла, куда она забралась с ножками и откуда выглядывал её белый лобик в светлых кудряшках...

– Да! Ну, пожалуйста! Это ничего, что нет кисеи, мы будем бедная свадьба. Мы возьмём в руки по большому карандашу у папы со стола, и они будут как свечи... Карандаши очень похожи на свечи, чёрненькое в них как светильня, а дерево как воск...

– Нужно, чтоб у меня был шлейф, – договаривалась Соня.

– Но ведь мы – бедная свадьба; зачем же шлейф?

Петя начинал раздражаться настойчивостью сестры. Эти девочки всегда капризничают.

– А где у нас будет квартира?

– За трельяжем, мы его немного отодвинем и заставимся ширмами... Потом устроим постель из пуфов, снимем у мамы полочки со стола – и это будет у нас комод. А вместо стульев – подушки с дивана...

– А потом?

– Что? – нахмурия брови, спросил Петя...

– А что же мы будем делать потом?

Петя несколько смутился. Сестрёнка смотрела на него пытливо, видимо, игра начала интересовать и её... Её глазки сверкали огоньком оживления...

– Потом – это уже после... Там увидим... Будем жить... принимать гостей, можно притащить Жужу и кошку, и они будут гости... Будем ездить в театр – в мамину комнату... И вообще будем жить, как женатые; я буду с книгой уходить на службу, как папа, а ты будешь готовить обед и всё убирать, как...

– Мама ничего не делает... – внесла Соня поправку в порядок семейного дня...

– Я хотел сказать – как Аннушка... Потом я буду дуться, как папа, а ты уйдёшь в комнату и будто бы запрёшься... А я буду кричать на тебя, помнишь, как папа в воскресенье? Он даже кулаком стучал по столу и плевался, – оживлённо рассказывал Петя...

– И ногой опрокинул стул... Я очень испугалась тогда, – задумчиво добавила Соня.

– Помнишь, как мама крикнула на него? Я смотрел в щёлочку из детской и видел, – глаза у неё были большие, большие, а губы чёрные и дрожали. И вся она качалась...

– Страшно! – сказала, ёжась в кресле, Соня.

– Это ничего... Мы, если хочешь, не будем делать этого... Мы будем просто жить. Потом, ведь ссориться только тогда нехорошо, когда ссоришься, а после ничего! Ведь папа и мама всегда после ссор добрее... Когда они помиряются, у них можно просить всего, чего хочется.

– Да... – согласилась Соня.

– Значит, будем играть?

– Давай! – и Соня соскочила с кресла.

Через несколько минут комната представляла из себя картину разрушения и хаоса. Мебель была сдвинута почти вся в один угол; и только посреди пола стоял стул, накрытый скатертью. К спинке его была

прислонена раскрытая тетрадь нот.

– Это книга, которую читает поп, когда венчаются, – объяснил Петя сестре.

А она одевалась к венцу. Вытащив из буфета большую скатерть, она запутывала в неё свою фигурку и улыбалась, видя, что у неё будет прекрасный шлейф. На голове её уже болтался большой зелёный китайский абажур; край его то и дело опускался ей на нос, и она взмахивала головкой, чтобы сдвинуть этот убор на затылок. На её личике, в светлых кудрях, легли тени, и оно сделалось таким серьёзным.

Петя устраивал себе ризу из бархатной скатерти, которую стащил со стола в гостиной. И на его голове позвякивал абажур, голубой, стеклянный. Пете было очень неловко в нём.

– Я буду архиерей, а не простой поп. Хорошо?

– Всё равно, – согласилась Соня, прикалывая себе булавкой к плечу цветы, оторванные от абажура.

– Ну, скоро ты готова? Я уже совсем... Вот ещё нужно бы перчатки и галстух... Женихи это надевают... помнишь, ехали мимо двое.

– Это они ехали не венчаться... а просто на извозчике.

– А впереди их ехала же невеста!

– Это не их, а того, который сидел с ней рядом, в круглой шляпе...

– Ну... это ничего. Я без перчаток... Потому что ведь я ещё и архиерей.

– Что же теперь? – спросила Соня.

– Готова? Давай руку...

Он взял её за руку и повёл вокруг стола, надув щёки и сделав важное лицо...

– Го-споди помилуй! Господи... – пел он, закатывая глаза и раскачивая левой рукой так, как будто бы кадил.

Соня шла за ним, потупив в землю глазки, жеманно склонив головку к его плечу и поддерживая свободной рукой шлейф.

– Спаси, господи, рабу твою Софью! – пел Петя и споткнулся о шлейф невесты. – Ну вот, напутала ты тут себе... Я так упаду... Подбери ещё немножко...

– А у нас нет колец... – вдруг остановилась Соня... – Потому что нужны кольца.

Петя вопросительно посмотрел на неё, поправляя на голове абажур...

– Да, – кивнула она ему головкой, – нужны!

– Ну, ничего... Уж мы кончили... обвенчались. Теперь идём домой.

Они пошли в угол комнаты, изображавший собою их дом. Пришли

туда и сели на двух пуфах рядом друг с другом и держась за руки.

– Давай же разговаривать, – предложил Петя...

– А о чём? – спросила сестра.

– О чём-нибудь... Нельзя же, обвенчавшись, сидеть и молчать.

– Мне не хочется говорить... – задумчиво сказала Соня.

– Ну, уж вот ты и капризничаешь... Совсем нельзя играть с тобой...

Соня осторожно высвободила свою руку из руки брата и стала откалывать булавки своего венчального наряда.

Петя, завёрнутый в складки пёстрой скатерти, с абажуром на голове, с скучным лицом смотрел на неё, хмуря брови.

– Ты раздеваешься?

– Да... А что же уж? – спросила Соня.

– Я не хочу, чтоб ты раздевалась...

– Какой! – сделала гримаску Соня.

– Я могу не хотеть этого! Потому что теперь я твой муж, как папа мамин. Я...

– Я не играю ведь!

– А я не хочу, чтоб ты не играла... Ты моя жена и должна меня слушаться... Не раздевайся...

– Не кричи... Дурак!

– Ты не смеешь ругаться, – дура! – злобно вскричал Петя.

Но она вскочила на ноги, сбросила с плеч скатерть и абажур с головы и, топнув ножкой, раздражительно, обиженно, побелевшими и трясущимися губками бросала ему:

– Я скажу маме... Ты ругаешься... Дурак, чудака, дурак, болван.

– Ах ты... таракашка! – вскрикнул Петя и толкнул новобрачную в грудь.

Она не выносила, когда её называли таракашкой. От толчка она покачнулась, опустилась на пуф и так неловко, что свалилась с него на пол к ножкам трельяжа... Её розовая от гнева мордочка смотрела на Петю из-за большого листа филодендрона, а Петя, топая ногами по полу, склонился над ним и озлобленно кричал:

– Таракашка, таракашка! Скверная букашка!

Она, не вставая с пола, повернулась на бок, закрыла лицо ручками и горько заплакала.

– Плачь, плачь! Мне тебя не жалко... А мама воротится, она ещё задаст тебе. Потому что я скажу, что это ты развозила всё по комнате... Да, скажу, и тебя поставят в угол и оставят без пирожного, и не возьмут в цирк.

Бедной девочке показалось, что для первого дня брака всего этого

чрезмерно много. Она взвизгнула и застучала ножками по полу.

– Уйди, Петька!

Он отошёл к окну, довольный своей мезтью. Там, сняв с головы абажур и скатерть с плеч, он снова стал смотреть на улицу.

Дождь всё ещё шёл. И было скучно...

За стеклом хлюпала вода, а в комнате дрожали рыдания сестры. Пете стало горько...

– Ну, не плачь... – не оборачиваясь, сказал он.

Она заплакала сильнее.

– Я тебе подарю пять сводных картинок, – хочешь? – спросил Петя, помолчав.

Она завизжала.

– Ну, Соня! – подошёл он к ней... – Не плачь!

– Буду...

– Ну пожалуйста! – Он сел на пол рядом с ней и положил ей на плечо руку. Она сбросила её, открыв на минутку своё красное от слёз лицо.

– Сонечка! Ну, хочешь ещё – буду читать тебе вечером сегодня?.. И выпачкаю няню чернилами?

И то и другое ей всегда очень нравилось; особенно хорошо было, когда Петя под предлогом, что няня запачкала чем-то себе лицо, прикоснулся пальцем, заранее выпачканным чернилами, к её щеке или к кончику носа и на физиономии няни оставалось маленькое чёрное пятнышко. Представив себе это, Соня стала утихать.

– погоди! – вдруг весь вспыхнул Петя. – Соня! Какая ты глупая! Разве я серьёзно толкнул тебя? И ругал – разве серьёзно?

Она открыла лицо и села рядом с ним, глядя на него недоверчиво, но заинтригованная его горячим тоном.

– Ведь мы играли, да?

– Да...

– Как? В мужа и жену, да?

– Ну?

Так чего же ты плачешь?.. Дурочка!

Он расхохотался.

– А что? что же? – улыбаясь, спросила Соня.

– Какая ты глупая, какая ты глупая! – забил в ладоши Петя...

– Это ты не в самом деле ругался? – спросила Соня, уже сконфуженно улыбаясь.

– А ты думала – в самом деле? Взаправду? Ах ты – чучелка!

– Петя... ты...

– Да ведь уж это такая игра, что нужно ссориться! Всегда ведь ссорятся муж и жена, – ну, и игра в это если, то тоже нужно ссориться. Ах, как я тебя обманул! Ты подумай – ведь это же уж всегда...

– Какая я... – сказала Соня и вдруг, неудержимо засмеявшись, обняла брата и ткнулась ему головой в колени. У неё плечики даже вздрагивали от смеха. И Петя хохотал, приговаривая:

– Таракашка моя, баракашка ты моя!

Но Соня уже не обижалась на него за это.

И, сидя на полу, среди сгруженной мебели, они хохотали искренно и долго над этой смешной игрой в мужа и жену...